

Французская женщина передъ лицомъ войны.

I.

Тѣ, которыя остались.

„Soyez bénies, ô femmes françaises, qui contribuez à la défense, et au salut de ce noble pays! Vous êtes les anges tutélaires de nos armées et vous portez bonheur à la France!“

Paul Deschanel.

Переживаемая Европой борьба титановъ даетъ намъ примѣръ героическихъ добродѣтелей, которыхъ никто, казалось, не могъ ожидать отъ людей XX вѣка и менѣе всего отъ „вырождающейся“ Франціи. Но если вооруженная французская нація нынѣ доказываетъ міру свою вѣчно-юную жизнеспособность, то что сказать про французскую женщину, вчера столь недостойно оклеветанную, сегодня едва ли не самую многострадальную и долготерпѣливую?

Для нея, какъ и для всѣхъ протагонистовъ свершающейся драмы, война эта явилась пробнымъ камнемъ истинной душевной силы, силы любви къ родинѣ, къ свободѣ и во имя ея—силы самопожертвованія. Быть можетъ, на женскую долю выпалъ наиболѣе тяжелый крестъ: не съ пѣніемъ волнующихъ кровь гимновъ итти противъ исконнаго врага, творить исторію подъ грохотъ пушекъ и свистъ пуль, а, оставаясь, какъ всегда, въ тѣни, отбрасываемой великими событіями, отпускать молча въ огонь, на вѣрную смерть, плоть отъ своей плоти. Развѣ это не величайшая изъ жертвъ? А ее приносятъ здѣсь всѣ женщины, и надо видѣть, какъ онѣ ее приносятъ! О томъ, чего имъ стоитъ этотъ безмолвный стонцизмъ, мы можемъ лишь догадываться. Прежде чѣмъ говорить о немъ, чтобы рельефно выдѣлить его на фонѣ сѣрыхъ дней, оглянемся назадъ, воскресимъ въ памяти картину недавняго и—увы!—уже столь далекаго прошлаго.

Современная француженка выросла не въ школѣ суроваго патріотическаго долга и не въ обожаніи единой воинской доблести, подобно

дочерямъ античной древности, на чьихъ устахъ такъ гордо звучитъ легендарное „Со щитомъ или на щитѣ!“ И спартанки и римскія матроны сравнительно легко мирились съ желѣзной необходимостью, законы которой не могли не признавать сами, ибо съ дѣтства привыкли онѣ къ мысли, что сыновья и мужья принадлежать не матерямъ и женамъ, а государству, и весь смыслъ личной жизни полагали въ строгомъ ей подчиненіи обязанностямъ гражданина. И не вѣдали онѣ еще всей смягчающей душу прелести, всей полнозвучной музыки семейнаго счастья, расцвѣтшаго въ нашъ миролюбивый женственный вѣкъ.

Новыми чувствами одѣта жизнь средней французской женщины, жизнь, сотканная не изъ яркихъ эмоцій и впечатлѣній — удѣлъ немногихъ избранныхъ — а изъ скромныхъ заботъ и малыхъ радостей, но вся озаренная, вся согрѣтая ровнымъ пламенемъ домашняго очага. Лучшее ея твореніе и высшая гордость — это семья, дружная, тѣсная семья, въ основѣ которой лежитъ сознаніе кровной солидарности, какъ бы круговой поруки всѣхъ членовъ ея, и прежде всего сознаніе святости той цѣли, которой она призвана служить: быть теплымъ гнѣздомъ для птенцовъ. Семью эту мы встрѣчаемъ сверху до низу общественной лѣстницы и вездѣ характеръ ея въ главныхъ чертахъ одинъ и тотъ же, наиболѣе же ясно и полно онъ выраженъ въ буржуазномъ кругу. Французскую давно кристаллизованную семью можно упрекать и въ узости кругозора, и въ скудости интересовъ, и, наконецъ, въ ревнивой замкнутости, какъ бы отчужденности отъ прочаго міра, ибо двери ея лишь медленно и осторожно отворяются для чужихъ, и для нихъ она слишкомъ часто „негостепрѣимна“ и скупа. Но никто изъ ближе къ ней присмотрѣвшихся не обвинитъ ея въ недостаткѣ интимности и теплоты *жизни*, въ пренебреженіи родителей къ дѣтямъ или равнодушіи дѣтей къ родителямъ. Напротивъ того. Едва ли найдемъ мы гдѣ-либо болѣшую близость между родителями, съ одной стороны, и дѣтьми — съ другой, едва ли гдѣ-либо найдемъ мы молодое поколѣніе, возвращенное съ такою бережной нѣжностью, какъ нынѣшнее, въ той самой странѣ, гдѣ рождаемость все болѣе и болѣе падаетъ. Иногда, глядя на эти трогательныя семейныя отношенія, задаешься вдругъ смущающимъ умъ вопросомъ: не оттого ли именно, что дѣтей здѣсь мало, любовь къ нимъ родителей такъ сильна, заботы о нихъ такъ разумны? Какъ будто на одну-двѣ головы скопляются всѣ сокровища нашего чувства, всѣ наши надежды и мечты о будущемъ. Однако, въ дѣйствительности мы видимъ такую же прочную, если не болѣе, родовую связь и въ не столь уже рѣдкихъ, какъ это принято думать за границей, многодѣтныхъ французскихъ семьяхъ. Человѣческое сердце, благодареніе Богу, конечно дѣлимо, безконечно эластично, и не въ уменьшеніи количества его привязанностей секретъ ихъ большей интенсивности. Важно

здѣсь то, что въ культурной Франціи ребенокъ, за исключеніемъ рабочей среды (внѣ социализма, открыто проповѣдующаго нео-мальтузіанство), не является на свѣтъ случайно,—вотъ почему онъ никогда не въ тягость, ему всегда приготовлено свое, индивидуальное, мѣсто въ радостно ожидающей его семьѣ. Я не знаю въ Парижѣ, не говоря уже о провинціи, ни одной интеллигентной замужней женщины, которая не желала бы хоть однажды стать матерью и не видѣла бы въ этомъ естественнаго своего назначенія, какъ нѣкогда ея бабушка. Правда, въ противоположность послѣдней, она считаетъ себя въ правѣ ограничить число своихъ дѣтей, иногда свести ихъ до минимума, удовлетворяющаго ея инстинктъ; но дѣлаетъ она это не изъ грубо-эгоистическихъ соображеній, а въ помыслахъ о благѣ самихъ дѣтей, благѣ, часто понимаемомъ слишкомъ матеріально. Женщина, сама воспитанная въ духѣ предусмотрительности и недовѣрія къ риску, бонится „плодить нищихъ“, или, какъ выражаются французы, *des declassés*; она желаетъ сохранить извѣстный уровень благосостоянія въ лонѣ ея основанной социальной ячейки, желаетъ, какъ заботливая насѣдка, предохранить тѣхъ, которымъ она даетъ жизнь, отъ черезчуръ остраго *struggle for life*. Поэтому-то она не часто позволяетъ себѣ роскошь материнства, вовсе не потому, что ее пугаютъ физическія страданія или возможная потеря красоты формъ. ¹⁾ Зато рожденіе всякаго „заказаннаго“ ребенка является настоящимъ семейнымъ событіемъ,—настоящимъ праздникомъ. Въ торжествѣ этомъ участвуютъ косвенно не только родственники, но и друзья и просто знакомые, которымъ, согласно установленному обычаю, разсылаютъ печатные *faire-parts de naissance* съ обозначеніемъ числа и съ именемъ новорожденнаго младенца. Дамы тотчасъ наперерывъ спѣшатъ навѣстить молодую мать и полюбоваться на малютку, принося ему въ даръ, словно добрыя феи, вмѣстѣ съ наилучшими пожеланіями, очаровательныя вещи для приданого (*layette*), почти всегда изготовленныя искусными руками самихъ фей. Невольно при видѣ этого идиллическаго зрѣлища, такъ называемыхъ *relévailles*, вспоминаются аналогичныя сцены въ знаменитыхъ флорентійскихъ фрескахъ Гирляндайо,—такъ мало мѣняется бытъ въ старой, напоенной традиціями, Европѣ.

Но какаѣ разниці въ педагогическихъ взглядахъ, и особенно въ педагогическихъ приѣмахъ, по сравненію не то что съ XV, а даже съ только что истекшимъ XIX вѣкомъ! Еще въ 80-хъ годахъ дѣтей во Франціи держали вдали отъ родителей и съ 10-лѣтняго возраста раз-

¹⁾ Не слѣдуетъ забывать, что во Франціи не хотѣтъ имѣть больше одного ребенка, съ одной стороны, какъ и вездѣ, богатая буржуазія (но не католическая аристократія), съ другой—и это самое, съ социальной точки зрѣнія, опасное—*все* крестьянство. Среди интеллигенціи напротивъ, замѣтна тенденція порвать съ пресловутымъ *Zweikinder-system*, въ особенности въ связи съ энергичной пропагандой противъ депопуляціи.

мѣщали по мужскимъ и женскимъ интернатамъ. Теперь не то. Равно поступаетъ маленькій французъ въ школу, 5—6 лѣтъ, но въ ней проводитъ лишь часть дня, неизмѣнно, и въ младшихъ и въ старшихъ классахъ, возвращается домой къ завтраку, вечеромъ сидитъ съ большими за общимъ столомъ, пока глаза не слипаются отъ сна, участвуютъ во всѣхъ *parties de plaisir*, праздничныхъ выѣздахъ и прогулкахъ,—словомъ, живетъ одною жизнью со своей семьей. Она—настоящая его воспитательница, и въ ней обычно царятъ свѣтлый миръ, довольство и взаимное довѣріе. Въ этой здоровой атмосферѣ не треплются, а укрѣпляются юные нервы; съ раннихъ лѣтъ и мальчики и дѣвочки приучаются къ порядку, къ дисциплинѣ, начинающейся еще въ колыбели, къ бережливости и труду. Искренняя дружба, соединяющая родителей и дѣтей, не исключаетъ извѣстной іерархіи отношеній,—іерархіи, которая не исчезаетъ вполне и послѣ того, какъ дѣти стали взрослыми: отъ стараго принципа авторитета навсегда остается у однихъ право совѣта, у другихъ—уваженіе къ этому праву, безъ котораго немислимо преемственное начало, столь дорогое самому консервативному изъ свободолюбивыхъ народовъ. Даже давно оперившіеся и вылетѣвшіе изъ родного гнѣзда птенцы, женатые сыновья и замужнія дочери, попрежнему тянутся къ нему, они не отрѣзанные ломти, а живыя вѣтви могучаго фамильнаго древа, отъ котораго идутъ все новые зеленые побѣги.

Та сдержанная, ласково-почтительная нота, которая звучитъ всегда въ отношеніяхъ такихъ дѣтей и такъ удивляетъ съ непривычки посторонняго наблюдателя, мало-по-малу передается и самимъ родителямъ въ ихъ обращеніи другъ съ другомъ. Мужъ не только любитъ въ женѣ подругу, но и чтитъ въ ней мать, она въ немъ—отца. Можно съ увѣренностью сказать, что изъ какихъ бы побужденій ни былъ заключенъ бракъ—по страстному ли влеченію, по разсудку ли, или прозаически *par arrangement*, то новое, что вносить въ него первое улыбнувшееся матерн и отцу дитя, перемѣщаетъ разомъ центръ тяжести даннаго союза: *un ménage* превращается въ *une famille*, изъ малой искры рождается неугасимое пламя Весты. Съ этого момента бракъ святъ и нерасторжимъ въ глазахъ его представителей. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ, вѣроятно, не найдемъ мы столько убѣжденныхъ противниковъ развода, какъ въ демократической свѣтской республикѣ, гдѣ бракъ не таинство, а гражданскій институтъ и гдѣ для расторгенія его фактически достаточно обоюднаго согласія супруговъ. Тѣмъ не менѣе разводъ, конечно, явленіе неизбежное; чаще всего мы съ нимъ сталкиваемся „на верхахъ“ общества, а также и въ политическомъ мірѣ: и тамъ и здѣсь принципы болѣе гибки и возможности новыхъ союзовъ не столь ограничены. Но разводъ не вошелъ еще въ нравы, и каждый разъ это не только личная драма, но и семейная трагедія, когда налицо ребенокъ: ни

мужъ ни жена не могут примириться съ потерей своихъ родительскихъ правъ и, вопреки точнымъ постановленіямъ рѣшившаго ихъ дѣло суда, ожесточенно борются за обладаніе имъ. Нерѣдко въ ихъ борьбу вмѣшиваются и оба семейства, изъ-за глупой вражды которыхъ иногда и разрушается очагъ. Недаромъ во Франціи обращаютъ такое огромное вниманіе при заключеніи брака на домашнюю обстановку, на родственниковъ жениха и невесты, которые непременно должны ладить между собою, такъ какъ *en France on épouse une famille et non pas un individu*. Бываютъ зато случаи, когда послѣ дѣлаго ряда лѣтъ разошедшіеся было супруги вновь возвращаются другъ къ другу изъ-за того же ребенка, навѣки сковавшаго двѣ жизни. Такъ возстанавливается разорванное семейное единство сознательнымъ принесеніемъ въ жертву одного поколѣнія другому. При этомъ моралисты спокойно замѣчаютъ „законъ природы“, и внутренно съ ними все согласны. При такомъ преклоненіи передъ идеей, передъ идоломъ *famille*, немудрено, что тайная или даже явная измѣна предпочитается открытому разрыву. „Простить всегда можно минуту слабости“,—когда нѣтъ злой воли, когда налицо раскаяніе, потому что увлеченіе пройдетъ, а связь съ домомъ сохранится навсегда,—скажетъ про себя обманутая жена, если узнаетъ, а если не узнаетъ... Впрочемъ, справедливость требуетъ признать, что супружеская вѣрность, не только женская, но и мужская,—добродѣтель, несравненно болѣе распространенная во Франціи, чѣмъ это принято думать за границей. Извѣстнаго типа бульварные романы и пьесы отнюдь не отражаютъ истиннаго лица страны, но, кромѣ этой сомнительнаго качества литературы и поверхностнаго знакомства съ увеселительными заведеніями „города-свѣточа“, много ли знаютъ о Франціи господа иностранцы? Къ счастью, однако, и среди нихъ находятся внимательные, чуткіе наблюдатели, которымъ не безъ труда удалось проникнуть въ святилище французской интимной жизни: все они одинъ за другимъ констатировали то сильное семейное чувство, о которомъ мы говорили выше, все они въ той или иной формѣ отмѣтили и страстную, глубокую привязанность родителей къ дѣтямъ и замкнутость каждаго отдѣльнаго домашняго очага, являющагося своего рода монадой, въ которой свободно развиваются присущія народу драгоцѣннѣйшія качества ¹⁾.

1) Укажемъ здѣсь на слѣдующія интересныя книги, плоды болѣе или менѣе долгаго и тонкаго изученія французской жизни: *La France et les Français*, Karl Hillebrand'a (перев. съ нѣмецкаго, 1880 г.), много лѣтъ жившаго во Франціи, 2) *Français et Anglais*, Philip'a Kamerton (перев. съ англ. въ двухъ томахъ, 1891 г.) и 3) *La France d'aujourd'hui* американскаго профессора Barret, Wendell'я (Парижъ, 1900 г.). Наконецъ, 4) только что вышедшій русскій сборникъ статей подъ заглавіемъ *Франція*, А. Бѣлорусова, которому однако удалось лишь *снаружи* подсмотрѣть наиболѣе типичныя черты французской дѣйствительности, въ *натуро* ея онъ не вошелъ, къ сожалѣнію.

Душа этого дома, какъ и вездѣ,—женщина. Она—*la reine du foyer* въ настоящемъ смыслѣ слова и въ то же время труженица-пчела. Первая подаетъ она своимъ дѣтямъ, за которыми ухаживаетъ сама, безъ помощи няньки, живой примѣръ неутомимой дѣятельности. Въ ея рукахъ всякое дѣло спорится, горитъ, она образованная хозяйка, бережливая и экономная, не брезгающая никакой черной работойъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ она всегда изящна, всегда одѣта со вкусомъ, умѣетъ принять, никогда не распускается ни физически, ни нравственно дома, гдѣ проводитъ большую часть дня: *c'est une vraie femme d'intérieur*, а не „*eine tüchtige Hausfrau*“, вотъ разница. Такъ француженка, какъ бы скромно ни было ея социальное положеніе и средства, съ головы до ногъ и до кончика ногтей *дама*. Въ обществѣ она держитъ себя съ замѣчательнымъ тактомъ и со свойственной ей во всемъ стыдливой сдержанностью, ни за что не станетъ хвастать своими домашними талантами, дабы не примѣшивать запаха кухни къ аромату гостиной; точно такъ же ни одинъ чадолюбивый французъ не будетъ говорить о своихъ добродѣтеляхъ семьянина. Все это само собой подразумѣвается, но объ этомъ воспитанные люди умалчиваютъ. Именно поэтому французская женщина тому, кто видитъ ее лишь въ свѣтѣ, можетъ дать о себѣ ложное представленіе „птички Божіей“. Кто изъ непосвященныхъ повѣритъ, слушая веселую, остроумную болтовню элегантной парижанки въ гостяхъ или въ театрѣ, что она утромъ, пока единственная прислуга бѣгала за провизіей на рынокъ, собственноручно и мыла и одѣвала ребятъ, снаряжая ихъ въ школу, потомъ помогала убирать квартиру, нерѣдко сама готовила на газѣ, обучая неопытную *bonne à tout faire*, семейный завтракъ? А когда мужъ къ 12 часамъ аккуратно приходитъ со службы, все въ домѣ чисто, уютно, кушанье и аппетитно и хорошо подано, жена и одѣта и причесана, а главное встрѣчаетъ его привѣтливо, не ворчитъ и не вздыхаетъ. Удивительно, право, до чего французскія жены умѣютъ владѣть собою, своими нервами, какъ онѣ всегда въ духѣ! Не въ этомъ ли *bonne humeur*, которой учатъ дѣвочекъ съ пеленокъ, отчасти секретъ магнита, властно притягивающаго мужчину къ дому? Даже, живя за городомъ и имѣя всего два свободныхъ часа днемъ, онѣ непремѣнно пріѣзжаютъ домой завтракать, проводя со своими часто не болѣе 45 минутъ; но для него онѣ настоящій отдыхъ, дающій ему ощущеніе того, что англичане называютъ *home*, а французы *foyer*. Послѣ же 7-часового обѣда мужъ и жена либо вдвоемъ выходятъ куда-нибудь освѣжиться—въ кафе, къ знакомымъ, либо,—и это самое въ среднемъ кругу обычное,—весь вечеръ проводятъ дома среди дѣтей, читаютъ, работаютъ, дѣлятся впечатлѣніями подъ одной лампой въ столовой или кабинетѣ. И въ эти часы, которыми и отецъ, и мать, и сами дѣти особенно дорожатъ, какъ единственными всецѣло принадлежащими

ихъ общенію другъ съ другомъ, никто никогда не приходитъ незваный: даже близкій другъ постѣснится прервать своимъ появленіемъ семейную *veillée*.¹⁾ Вечера эти, разрѣшающій аккордъ трудового врозь проведеннаго дня, вновь и вновь сплываютъ въ одно цѣлое всѣхъ членовъ семьи и прежде всего укрѣпляютъ связь между супругами; они ткуютъ тѣ невидимыя шелковыя нити, которыя такъ трудно порвать. Супружеская солидарность, это—прочный стержень домашняго мира, и французскія женщины прекрасно знаютъ это и берегутъ ее, какъ зеницу ока.

Вліяніе женъ на мужей съ виду незамѣтно, но оно чрезвычайно велико въ вопросахъ семейныхъ и житейскихъ; изъ этой узкой сферы оно переходитъ и въ политику, рѣже въ моральную и религіозную область. Тотъ здравый смыслъ, то тонкое психологическое чутье, которымъ надѣлены рѣшительно всѣ французки, придаютъ особый вѣсъ ихъ мнѣніямъ и совѣтамъ, тѣмъ болѣе, что онѣ вообще никогда ихъ не навязываютъ. Авторитетъ ихъ отъ этого еще выигрываетъ въ глазахъ мужчинъ, которые больше всего цѣнятъ въ женщинѣ и ея практическій складъ, съ одной стороны, и ея интуитивную мудрость—съ другой. Можно сказать, что весь народъ относится къ женщинѣ съ уваженіемъ и оттънкомъ рыцарской деликатности, и она въ жизни пользуется вѣками полной духовной свободой, несмотря на принижавшую ее на каждомъ шагу опеку Наполеонова кодекса.

Въ этомъ почетномъ положеніи женщины въ семьѣ и обществѣ и въ національномъ ея темпераментѣ найдемъ мы ключъ къ уразумѣнію того факта, что женское движеніе такъ медленно прогрессируетъ въ третьей республикѣ, по сравненію съ другими передовыми странами. И дѣйствительно, довольныя нормальными условіями своего существованія и домашней обстановки, счастливыя жены и матери въ *массѣ* не жаждутъ никакого освобожденія отъ тираніи закона и мужнины. Все же за послѣдніе годы феминизмъ и въ ихъ средѣ дѣластъ замѣтные успѣхи. Способствуютъ этому три основныя причины. На первомъ планѣ стоитъ продиктованное самой жизнью требованіе экономической независимости равно для дѣвушекъ рабочаго класса, какъ и для безприданницъ изъ буржуазіи. Отсюда ростъ профессиональныхъ организацій и поиска новыхъ путей для интеллигентныхъ женщинъ, нуждающихся въ заработкѣ. Въ иную сторону направлена интенсивная общественная дѣятельность женщинъ, борющихся противъ всѣхъ соціальныхъ золъ, грозящихъ

¹⁾ Здѣсь нельзя не отмѣтить того характернаго обстоятельства, что во Франціи нѣтъ вечернихъ вѣсданій, которыя поневолѣ отрываютъ отца и мужа отъ дома. Мнѣ думается, что обычай этотъ, столь процвѣтающій, напр., въ Россіи, не могъ бы привиться здѣсь по вышеизложеннымъ причинамъ.

Франціи вырожденіемъ, какъ-то: алкоголизмъ, проституція, порнографія, депопуляція, милитаризмъ и т. д. Во главѣ этого движенія, вербующаго въ свои ряды преимущественно женщинъ со средствами и связями, стоитъ *le Conseil National des femmes françaises*, федеративный союзъ всѣхъ благотворительныхъ и иныхъ обществъ „интересующихъ расу, семью и мать“. Съ идеологіей феминизма *Національный Советъ*, удачно прозванный женскимъ сенатомъ, имѣетъ лишь нѣкоторыя точки соприкосновенія, а между тѣмъ именно въ немъ, на нашъ взглядъ, центр тяжести всего движенія. Связующимъ звеномъ между экономическою мансипаціей и, если можно такъ выразиться, социальнымъ идеализмомъ женщинъ является феминизмъ индивидуалистическій. Истинныя его слушательницы, во имя демократической идеи справедливости, громко провозглашаютъ равенство половъ, энергично требуютъ признанія за женщинами всѣхъ „мужскихъ“ правъ, изъ коихъ первое—право голоса; оно, какъ извѣстно, принадлежитъ во Франціи всѣмъ совершеннолѣтнимъ гражданамъ, за исключеніемъ преступниковъ, сумасшедшихъ и женщинъ. Только тогда начатое революціей великое дѣло раскрѣпощенія личности будетъ довершено; пока же французенка все же ждетъ своей „декларации правъ женщины“. Этотъ лѣвый флангъ женскаго движенія во Франціи представленъ двумя организаціями: *Ligue pour les droits de la femme* и преслѣдующей исключительно политическую цѣль *Union pour le Suffrage des femmes*.¹⁾ Обѣ онѣ, несмотря на то, что нѣ насчитываютъ не мало членовъ социалистовъ, весьма умѣренны въ своемъ образѣ дѣйствій и всячески избѣгаютъ крайностей, даже публичныхъ манифестацій, все менѣе и менѣе, надо сознаться, популярны въ Парижѣ. Мужененавистничества и въ нихъ нѣтъ и тѣни. На ихъ митингахъ мирно выступаютъ ораторы феминистки и, главное, агитация ихъ никогда не переходитъ въ открытый бунтъ противъ существующихъ порядковъ. Въ этомъ отношеніи самыя ярныя французскія суфражистки не похожи на своихъ англійскихъ сестеръ суфражистокъ.

Тѣмъ не менѣе настойчивый призывъ поборницъ равноправія находятъ мало отклика въ сердцахъ тѣхъ, за которыхъ онѣ такъ энергично агитуютъ. Не къ оскорбленному достоинству личности надо апеллировать для пробужденія французской женщины отъ апатии въ дѣлѣ общественной борьбы, а непосредственно къ ея чувству социальнаго долга. Отъ зромныхъ насущныхъ заботъ ее сможетъ отвлечь лишь болѣе широкое осмысленіе своихъ обязанностей, своей миссии, какъ хранительницы расы, *la gardienne de la race*. Оттого французскій феминизмъ въ наиболѣе

¹⁾ Разумѣется, я не претендую въ этихъ строкахъ дать хотя бы бѣглый обзоръ французскаго феминизма; для меня важно лишь мимоходомъ указать на основныя его тенденціи.

яркихъ своихъ проявленіяхъ—резвый, разсудочный и насквозь дѣловитый, а не принципиально идейный; въ этомъ и сила его и слабость.

Чуждая по самой натурѣ своей романтизма, мистики и метафизики, француженка нашего времени во всемъ избѣгаетъ пафоса, фразы, преувеличеній, вообще эксцессовъ мысли и чувства, какъ не терпитъ общія теоріи и отвлеченныхъ споровъ, всякаго „тумана“. Эмоциональная сфера ея женской души не вибрируетъ, какъ натянутая струна отъ малѣйшаго колебанія окружающей атмосферы; для этого она слишкомъ уравновѣшена, слишкомъ рациональна. Рѣдко ищетъ она страсти и мечтаетъ о влюбленности въ розовые годы дѣвчества; но во всемъ существомъ своимъ, и сознательнымъ и инстинктивнымъ, стремится она къ гармоніи, къ ясности и цѣльности, къ вѣрной простотѣ любви. Идеалъ ея не отъ Діониса, а отъ Аполлона: „мѣра во всемъ“. Чеховскія строенія развѣдающей живую ткань радости постоянной неудовлетворенности исключаются въ ней чудесной способностью изъ каждой стиды жизненной прозы извлекать и разливать вокругъ себя всю скрупулезную въ ней поэзію. Это ея талантъ, ея легкій благодатный геній, испускающій ея чуть теплый позитивизмъ, отсутствіе орлиного полета, безстрашной отваги ищущаго духа. Отъ природы она умна, на-лету схватываетъ. Даже мало образованная, она почти всегда культурна, даже серьезно образованная—никогда не „синій чулокъ“, не Frau Doktor. Въ ея глазахъ вообще образованіе имѣетъ цѣну лишь постольку, насколько оно стройно и органично, наука же отнюдь не кладезь мудрости, изъ котораго все должны жадно пить, а источникъ специальныхъ знаній. Ученый для нея не „сосудъ избранный и не соль земли“, а такой же простой смертный, какъ и все прочіе люди. Ей непонятенъ и смѣшонъ тотъ торжественный профессорскій тонъ, который способствуетъ въ университетскихъ кругахъ Германіи, и со свойственною ей мѣткой проницательностью она вышучиваетъ педантизмъ вездѣ, гдѣ виденъ его. Высоко надъ всемъ приобретеннымъ знаніемъ ставитъ она врожденный умъ, тотъ самый *esprit de finesse*, который еще Паскаль противопоставлялъ *esprit géométrique*. Въ этомъ смыслѣ она—настоящая дочь классическаго XVII вѣка, но и не менѣе дочь вѣка Просвѣщенія. Въ обоихъ столѣтіяхъ играла она, какъ извѣстно, блестящую роль и въ литературѣ и въ знаменитыхъ „салонахъ“, и оба научили ее многому: первый—уваженію къ традиціи и вкусу, второй—свободомыслию и терпимости. Глубоко впитала въ себя французская женщина все благородные соки родной цивилизаціи, давно претворила ихъ въ плоть и кровь и вмѣстѣ съ молокомъ своей груди передаетъ зачатымъ ею поколѣніямъ.

1) Помню, какъ смѣялась при мнѣ одна милая француженка, получившая степень *docteur ès-Lettres*, когда ей принесли письмо отъ пріятельницы-нѣмки, на которомъ красовалась эта горделивая надпись.

Когда она религіозна, то или спѣшитъ претворить свою вѣру въ дѣла милосердія и христіанской любви, или—и это несравненно чаще—отдаетъ „Божіе Богови“ и только. За воскресной мессой она отдыхаетъ отъ житейской суеты, ея воображеніе плѣняется чувственно-нѣжная красота культа, но въ церкви она легко ускользаетъ отъ ея вліяній, руководствуясь въ своихъ поступкахъ и поведеніи голосомъ совѣсти или же мнѣніемъ близкихъ, а не догматическимъ ученіемъ католицизма. Для алчущихъ неба душъ остается, правда, еще обитель монастыря, но онѣ, разумѣется, исключеніе. Крѣпко обѣими ногами упирается въ землю французенка, и въ ней, какъ древній Ахтея, черпаетъ свѣжія силы. Она не Марія, а Марса.

По мѣрѣ того какъ увеличивается число свѣтскихъ школъ и правительственныхъ лицесевъ для дѣвочекъ и дѣвушекъ, усиливается и постепенно проникаетъ во всѣ слои населенія религіозный скептицизмъ и индифферентизмъ, переходящіе порой въ полное безвѣріе.

Но всюду, но вездѣ объединяющее начало женскаго бытія это—домашній огонь, зажженный благоговѣйной рукою молодой жены и поддерживаемый ею до сѣдой старости. ¹⁾ Мужъ—другъ, товарищъ и опора, рѣже возлюбленный; дѣти—предметъ неусыпныхъ попеченій, думъ и чаяній; наконецъ, первый, никогда не остывающій очагъ кровныхъ привязанностей—таковъ донинѣ былъ заколдованный, судьбою очерченный кругъ, гдѣ распускались прекраснѣйшіе цвѣты вѣчной женственности.

Но вдругъ раздался на всю Европу набатъ мірового пожара. При первыхъ звукахъ его разсѣялся миражъ безмятежной трудовой жизни для всей миролюбивой Франціи. Опустѣли разомъ дома ея, ушли и свѣжные юноши, и зрѣлые мужи, весь цвѣтъ и почти весь плодъ 38-миліонной націи. Кто скажетъ, что пережили въ эти нѣсколько дней, часовъ пораженные въ самое сердце матери и жены? Но ни одна изъ нихъ не дрогнула отъ удара, по крайней мѣрѣ, наружно. Безъ лишнихъ слезъ и безъ лишнихъ слезъ снарядили онѣ сыновей и мужей въ путь, откуда вернутся лишь немногіе, благословили ихъ на подвигъ—*pro aris et focis*—и остались одни. Но могли ли онѣ быть одиноки? Въдѣ въ эти незабвенныя минуты въ каждомъ и въ каждой жила частица единой, общей всей Франціи, героической души! Изъ-подъ вѣтшией сухой обочки внезапно пробился, загорѣлся ослѣпительнымъ блескомъ лучъ того идеализма, который никогда не угасалъ и въ будни, а только прятался стыдливо въ глубинѣ ея какъ нѣчто слишкомъ сокровенное для

¹⁾ Интересно замѣтить, что результатъ всѣхъ анкетъ въ мірѣ студентокъ, арестовъ и работницъ одинъ и тотъ же: *есть* молодыя дѣвушки мечтаютъ о счастливомъ бракѣ, какъ о высшемъ благѣ, и почти всѣ съ легкимъ сердцемъ готовы отказаться отъ избранной ими профессіи ради материнства.

чужихъ взорѣвъ. Охватившій страну стихійный энтузіазмъ, какъ электрическая искра, передался всѣмъ безъ исключенія женщинамъ: отъ эдагантной свѣтской парижанки до полуграмотной поденщицы и крестьянки. Разница сказалась лишь въ степени сознательности, а не въ силѣ патриотическаго порыва, одинаково проявившагося вездѣ. Тамъ, гдѣ *la femme du peuple* просто и покорно говоритъ: „*Il le faut bien, c'est pour France*“, дочь Ренана произноситъ эти слова, достойныя героини Коженеля: „*La Grandeur des événements empêche le retour sur soi-même*“. И другая одинаково, улыбкой сквозь слезы, проводили своихъ любимыхъ. Но какъ понесли онѣ дальше бремя безконечно долгой разлуки, неизвѣстности, тоски по ушедшимъ и смертельнаго страха за нихъ? Въ первый порывъ неминуемо долженъ былъ упасть, когда „облетѣли цвѣты догорѣли огни“ грандіознаго праздника мобилизаціи и наступила изнуряющая нервы агонія ожиданія! Отвѣтъ на эти тревожные вопросы дала сама дѣйствительность за истекшій годъ войны. Война — небывалая по размѣрамъ, по совершенству смертоносной техники, по количеству жертвъ и, со стороны врага — по звѣрской жестокости въ приемахъ борьбы; и однако она не только не убила народной и, въ частности женской, энергіи, а, напротивъ того, довела ее до неслыханнаго напряженія, до величайшей экзальтаціи духа самопожертвованія. О такой выносливости нашихъ солдатъ, о такомъ долготерпѣннн нашихъ женщинъ не смѣли и мечтать лучшіе друзья прекрасной Франціи. А между тѣмъ ежедневно, одни за другими, какъ спѣлыя колосья подъ серпомъ, падаютъ сыны ея, и богатые, и бѣдные, аристократы, буржуа и рабочіе писатели, артисты и художники, молодые и пожилые, и одна за другою безостановочно приходятъ роковыя вѣсти къ тѣмъ, которыя остались. Казалось, воздухъ сотрясается отъ ихъ стоновъ и рыданій, казалось, и нѣтъ: не видно нигдѣ заплаканныхъ глазъ, не слышно ни громкихъ, ни тихихъ жалобъ. Осиротѣвшія матери и жены научились неизвѣстно гдѣ и какъ трудному искусству „*pleurer en dedans*“, или иногда плачутъ дома у потухшаго огня. На улицу и ко всѣмъ навѣщающимъ ихъ они выходятъ съ поднятой головой и открытымъ спокойнымъ лицомъ. Они не перестаютъ участвовать въ общественной работѣ, не удаляются отъ людей въ пустыню одинокаго горя, не избѣгаютъ даже говорить о постигшемъ ихъ испытаніи. Никогда не забуду я, какъ въ октябрѣ потерявшая два мѣсяца тому назадъ единственнаго 23-лѣтняго сына, сказала мнѣ: „Я раздала все платье и бѣлье, которыя остались отъ моего мальчика, но у меня есть еще его кровать, быть можетъ, она пригодится для вашего пріюта“. Тонъ ея былъ совершенно обыденный, только въ глазахъ, обведенныхъ темными кругами безсонныхъ ночей, что-то напоминало взглядъ подстрѣленной птицы. „Внимая ужасамъ войны“, откуда же черпаютъ свои силы эти матери, которымъ никогда „не забыть

своихъ дѣтей, погибшихъ на кровавой нивѣ? Неисповѣдимы тайны чело-
вѣческаго сердца. На помощь безмѣрной материнской скорби прихо-
дитъ порою вѣра, двигающая горами. Въ газетахъ промелькнулъ раз-
сказъ о супругѣ генерала Кастельно, у котораго 6 сыновей во фронтѣ
офицерами, двое изъ нихъ уже погибло. И вотъ, въ церкви, стоя на ко-
лѣняхъ передъ причастиемъ, узнаетъ она отъ своего духовника священ-
ника, что палъ въ бою еще одинъ. „Который?“ шопотомъ спросила она
и, получивъ отвѣтъ, на секунду закрыла лицо руками, потомъ отвела
ихъ и промолвила, вставая: „воля Божія“. Благородный образъ христіан-
ской Ниобен! Помимо этой смиренной вѣры и виѣ ея у французскихъ
матерей есть еще нныя духовныя поддержки: онѣ въ ихъ великолѣпной
гордости, въ ихъ непосредственномъ *чувствѣ* патріотическаго долга. По-
слушайте только, какъ онѣ говорятъ и пишутъ, и вы увидите, что зна-
чить для нихъ эта религія чести, отличная отъ резиньяции и не ищущая
загробныхъ утѣшеній.

„Онѣ были вся радость, весь смыслъ моей жизни,—пишетъ мать-
вдова о своемъ единственномъ сынѣ,—но что такое моя жизнь по срав-
ненію съ Франціей?!“ Другая, получивъ извѣстіе о кончинѣ отъ ранъ
своего 17-лѣтняго мальчика, которому она позволила идти доброволь-
цемъ, такъ на него реагируетъ: „Теперь я поняла, для какой высокой
цѣли послужили всѣ мои заботы о бѣдномъ ребенкѣ, который былъ
такъ слабъ и хрупокъ въ годы дѣтства: я сберегла его для геройской
смерти“.

Мать пятерыхъ сыновей, изъ коихъ одинъ убитъ, другой въ плѣну,
третій тяжело раненъ, четвертый на передовыхъ позиціяхъ, отпускаетъ
своего Венъямина, призваннаго подъ ружье, со словами: „Я отдала ро-
динѣ все, что имѣла, и не жалѣю объ этомъ“. Недавно въ одномъ домѣ
кто-то изъ иностранцевъ горячо доказывалъ невозможность второй зим-
ней кампаніи для обезкровленной Франціи; его рѣзко прервала пожилая
вдова-француженка: „Отчего невозможно? У меня осталось два сына
18 и 17 лѣтъ; если надо, уйдутъ и они, и я, слава Богу, не одна, та-
кихъ матерей у насъ еще тысячи“. Конечно, тысячи, сотни тысячъ. И
многія, и большинство изъ нихъ, молча страдаютъ, но краснорѣчивѣе
словъ ихъ поступки, и онѣ говорятъ внятно то же самое: „Да погибнуть
наши дѣти, но да живетъ Франція!“ О нихъ всѣхъ превосходно сказалъ
министръ народнаго просвѣщенія Сарро въ рѣчи, обращенной къ уча-
щейся молодежи завтрашняго призыва (въ ноябрѣ 1914 г.).

„Vous êtes bien les dignes fils de ces mères françaises, de ces silen-
cieuses sublimes, celles qui se taisent et dont on ne parle pas—pas assez—
et qui chaque jour sans une plainte, refoulant au plus profond d’elles mêmes
les angoisses de leur maternité meurtrie, offrent stoïquement à la France
la chair bien-aimée de leur chair“.

Таковы матери. Но не менѣе изумительны и жены, и притомъ не только жены военныхъ по профессіи, всегда въ большей или меньшей степени закаленные бытомъ съ самаго порога замужества, а и другія молодя, избалованныя счастьемъ женщины, утомленные жизнью матроны и, наконецъ, юныя невѣсты, съ улыбкой примѣрившія накануне свой вѣнчальный нарядъ. Если матери гордятся тѣмъ, что родили и воспитали героевъ, то жены гордятся тѣмъ, что онѣ подруги этихъ героевъ, и хотятъ быть достойными ихъ славной памяти. Не надо забывать, что сами ушедшіе заранѣе обрекли себя въ жертву, рѣшили „исполнить больше чѣмъ свой долгъ“, и потому мало-по-малу въ письмахъ, дышащихъ беззаветной любовью къ родинѣ, приготовили своихъ близкихъ къ пріятію этой жертвы. И въ страшныя первыя минуты, когда грозитъ самымъ мужественнымъ отчаяніе, ихъ спасаетъ отъ него именно сознание, что „онъ такъ хотѣлъ“.

„Какъ могу, какъ смѣю я безумно рыдать надъ нимъ,—спрашивать вышедшая 3 года тому назадъ 25-лѣтняя вдова у своего брата,—вѣдь я же знаю, что онъ желалъ для себя такого конца—положить душу свою за Францію?“ Въ своей послѣдней волѣ онъ прямо говоритъ: „Если я исчезну въ великомъ водоворотѣ, то не хочу, чтобы меня оплакивали или жалѣли, ибо это лучшая смерть для гражданина и француза“. Г-жа Н., жена молодого социолога и социалиста (еврея), въ слѣдующихъ выраженіяхъ сообщаетъ о его кончинѣ органу партіи *Humanité*.

„Мой мужъ, вашъ товарищъ Н., палъ на полѣ чести лицомъ къ врагу въ битвѣ подъ У., такого-то числа. Онъ былъ счастливъ отдать жизнь за Францію“.

Беременная послѣ 6-ти мѣсяцевъ брака по страстной любви женщина, которой съ тысячею предосторожностей родные передаютъ полученное ими трагическое извѣстіе, не падаетъ въ обморокъ, не разражается воплями.

„Я такъ и знала,—глухо говоритъ она,—его больше нѣтъ, но у меня будетъ отъ него ребенокъ, онъ умеръ для того, чтобы тотъ не увидѣлъ никогда такого ужаса: его отецъ вѣрилъ, что мы побѣдимъ... войну“.

И тихо, тихо льются по блѣднымъ щекамъ слезы.

Вотъ 22-лѣтняя дѣвушка, свадьба которой была назначена на тотъ самый день, когда она узнала о гибели жениха своего. „Вѣрьте, дорогая,—говоритъ она той, которая должна была стать ея свекровью,—вѣрьте, воспоминаніе о немъ озаритъ и согрѣетъ всю мою жизнь. Наше поколѣніе—увы!—другого не узнаетъ“.

Увы!—она права. А въ ушахъ моихъ еще звучитъ патетическое восклицаніе 7-лѣтняго осиротѣвшаго мальчика: „для насъ, мама, война значить никогда не кончится, разъ папа не вернется!“

Сколько разбитыхъ навѣки возможностей счастья въ однихъ спискахъ павшихъ воиновъ,—страшно подумать.

„Счастье? Кто же смѣетъ о немъ теперь мечтать?—сурово замѣтила при мнѣ жена пѣхотнаго офицера, чудомъ уцѣлѣвшаго до сихъ поръ.—Сейчасъ мы живемъ въ царствѣ чести и долга“.

И это вѣрно. Вотъ почему напрягшія всѣ свои духовныя силы жены Франціи, дыша разрѣженнымъ воздухомъ высотъ, не поддаются ни унынію, ни слабости. Чаша ихъ страданія полна до краевъ,¹⁾ но это страданіе героическимъ усиленіемъ воли претворяють онѣ въ красоту. Среди багроваго мрака ненависти сіяютъ нетлѣнные цвѣты любви, вѣры и надежды и отъ ихъ благоуханія земля должна обновиться.

Пусть сердца женщинъ истекаютъ кровью, не отъ нихъ услышитъ великій народъ малодушный крикъ „довольно!“ Это еще разъ ярко доказало отрицательное отношеніе всѣхъ представительницъ французскаго феминизма и французской общественной мысли къ идеѣ международнаго конгресса пацифистовъ въ Гаагѣ. Въ отвѣтъ на официальное приглашеніе голландскихъ его инициаторовъ (въ концѣ апрѣля текущаго года) всѣ наши феминистическія организаціи единодушно отвѣтили энергичнымъ мотивированнымъ отказомъ, сущность котораго можно выразить двумя словами: слишкомъ рано!²⁾ Подъ этимъ отказомъ, лишившимъ нынѣшній конгрессъ мира всякаго моральнаго авторитета, подпишемся безъ малѣйшаго колебанія всѣ мы, свободныя гражданки вѣрной своимъ традиціямъ республиканской Франціи.

Да, слишкомъ рано, несмотря на ужасы варварскаго нашествія, на разореніе цвѣтущаго края, на поруганіе національныхъ святынь, насилія надъ женщинами, разрушеніе памятниковъ искусства, несмотря на удушливые газы, на отравленіе водъ, на бомбы цепелиновъ, убивающія невинныхъ крошекъ, несмотря на потопленіе „Лузитаніи“ и именно поэтому—слишкомъ рано! Нашъ часъ еще не пробилъ и стрѣлка на мировомъ циферблатѣ лишь медленно приближается къ нему. Терпѣніе. Но не вамъ, о, слишкомъ счастливыя дочери нейтральныхъ государствъ, ука-

1) Да позволено будетъ напомнить здѣсь о неслыханныхъ физическихъ и нравственныхъ мученіяхъ женщинъ въ захваченныхъ непріателемъ областяхъ и прежде всего о насиліяхъ, совершенныхъ надъ ними озвѣрѣвшими германскими воителями,—насиліяхъ столь многочисленныхъ, что французское правительство должно было серьезно заняться вопросомъ о „дѣтяхъ преступленія“, о которомъ завязалась страстная полемика и въ текущей журналистикѣ. См. любопытную анкету о „нежелательныхъ“ въ журналѣ *Revue* и въ особенности въ органѣ буржуазнаго феминизма *La Française*.

2) Вотъ выдержка пзъ „письма“ *Национальнаго совета французскихъ женщинъ*: „Pour que les générations prochaines recueillent les fruits de cet élan magnifique d'abnégation et de mort, les femmes françaises soutiendront le combat aussi longtemps qu'il sera nécessaire. En ce moment unies à ceux qui luttent et qui meurent elles ne sauraient s'associer à un geste de paix“.

зывать намъ съ содроганіемъ на груды труповъ и пылающіе города и села: мы знаемъ больше, чѣмъ вы знаете, молчите же и не трогайте нашихъ зіяющихъ ранъ. „О мирѣ всего міра“ молимся мы сегодня богу брани. ¹⁾ И твердо пройдемъ мы до конца нашъ крестный путь вслѣдъ за героями отмѣченныхъ кровавой печатью странъ не оттого, что мы любимъ меньше нашихъ мужей, дѣтей и братьевъ, а оттого, что мы любимъ больше Правду, за которую они умираютъ.

М. Лотъ-Бородина.

Парижъ, 21 мая—3 іюня 1915 г.

---

¹⁾ По случаю выступления Италіи противъ Австріи недавно основанное патриотическое женское общество *La Croisade des femmes françaises* послало привѣтственное письмо „итальянскимъ сестрамъ“. Извлекаемъ изъ содержанія его слѣдующія за ключительныя строки, проливающія яркій свѣтъ на истинныя чувства французскихъ женщинъ: „*Et le monde saura que pour la juste guerre le coeur des femmes fut aussi ferme que le glaive des hommes, sur le sol où coule le sang des Gracques, mais non les larmes de Cornélie*“.